

щими лагерями проводилась резкая грань: «...мы— духовные дети Аврааму, а вы — плотския» (357), «...плотолюбцы бо есть, гонят духовных» (357).

Образ жизни «духовных» должен был быть примерно аскетическим. «Всякому правоверному» следовало избегать «толстых пищь и пития» (436). Аввакум выговаривал Морозовой: «...окаянной плоти и есть не давай... Да переставай ты и медок попивать...» (917). «Григорьевна, — писал он одной из своих последовательниц, — перестань-ко ты мясца кушать... и винца перестань пить, ино пей квасок и воду, так в голове ум не мутится...».¹³ «Избранные» же (вожди раскола) следовали еще более суровому режиму. В великий пост (1671 г.) пустозерские узники, пишет Аввакум, «40 дней хлеба и ничтож не ядохом, токмо воду теплую хлебали, рты парили и горла... И разболелася у меня болезнь в брюхе, стал дух заниматца. И я поливал грудь водою и тер снегом... Братия (Епифаний, Лазарь, — *А. Р.*) воду хлебали не переставая... Дьякон (Федор, «отщепенец», — *А. Р.*) ... все квасом забавлялся крепонко» (719—720). Они намерены были во всем подражать легендарным подвижникам древности, «сан духовенства» которых «являла бледость лица их и тонкость благоговенства сухости плоти» (316). Вид подвижников был символичен: «...тела их являют в них живущую благодать господню» (290). На внешности их не могли не отразиться их постоянные «...труды, скорби и беды, гонения и мучения, пощения, слезы, бдения, бодрость, молитвы, воздыхания, низулегания и коленопреклонение...» (908).

Историческая реальность и социальная типичность всех этих представлений Аввакума о внешности своих единоверцев, с одной стороны, и «никониан» — князей церкви, с другой, находит себе подтверждение в свидетельствах современников. Высшие иерархи государственной церкви, обвиняя раскольников в «лукавстве и лицемерии», вынуждены были признать, как писал патриарх Иоаким, что они являются людям «яко бы истинными христианы, постники великими, сокровища и сребра нестяжательми...».¹⁴ Сторонник раскола Савва Романов, описывая шествие раскольников во главе с Никитой Пустосвятом в Кремль для споров о вере (1682 г.), подметил характерную реакцию со стороны «множества народа», окружавшего это шествие. Люди «удивляющиеся глаголаху: „Сих иноков (вождей раскола, — *А. Р.*) утробы истончены, не яко нынешних новаго закона учителей“».¹⁵ Таким образом, не только в литературной полемике, но и в самой действительности, в глазах народа, «утроба» сделалась неотразимым признаком праведного или порочного образа жизни, а вслед за этим — и истинности веры.

Признаки «тонкостной», или «истонченной», плоти начинали закономерно прилагаться и к характеристикам внутренней одухотворенности подвижников. Эти характеристики были найдены Аввакумом, который указал на то, что «истинные христиане» обладали «тонкими чувствами»,¹⁶ совершенно недоступными их противникам, охваченным «толстыми» мыс-

¹³ ГИХЛ, стр. 270.

¹⁴ [Иоаким]. Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников. М., 1683, стр. 66.

¹⁵ Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862, стр. 112—113.

¹⁶ Языковед Г. Н. Лукина считает, что прилагательное «тонкий» в сочетании «тонкое чувство» следует считать новым для языка XVII в., так как оно выступает здесь в ненаблюдавшемся ранее переносном значении. См.: Г. Н. Лукина. История некоторых антонимических прилагательных в русском языке (на материале письменных памятников XI—XVII вв.). Диссертация. М., 1963, стр. 88—90.